

Группа ускорила шаг, пробираясь к вершине. По пути они внимательно следили за окружением и вскоре убедились: Юй Фансюй оказался прав. Расположение странных мертвых деревьев подчинялось четкой логике. Если вкратце — чем ближе к храму горного бога, тем гуще становился этот выжженный лес.

Чэн Минь прикинул расстояние. До цели оставалось всего ничего. Вокруг стояли сплошь обугленные стволы, и, судя по закономерности, храм находился буквально за следующим поворотом.

— Погоди-ка, — Цинь Яо схватил за рукав Чэн Миня, собиравшегося рвануть вперед.

Троица замерла, глядя на внезапно посерьезневшего парня. Он заметил что-то подозрительное?

— Когда мы тогда... смотрели на гору из реки, там была эта черно-желтая роща? — спросил он.

В тот день Юй Фансюй догадался, как увидеть храм горного бога через отражение в реке Ваншуй. Чжан Цзыман тогда еще всю повторял за ним, не упуская случая пофлиртовать с Цинь Яо, пока они вместе вглядывались в водную гладь.

Чжан Цзыман медленно покачал головой. Он помрачнел.

— Нет.

Чэн Минь тоже все понял. Он напряг память: в тот день в отражении виднелась лишь сочная, изумрудная зелень. Никакого мертвого леса и в помине не было. Значит, этот кошмарный пейзаж возник здесь всего за последние пару дней.

— Неужели Лу Чжао? — предположил Чэн Минь. — Пока он убегал от преследователя, тот как-то повлиял на окружение?

— Вряд ли человек способен на такое... — пробормотал Чжан Цзыман, недобро глядя на вершину.

«Кто бы там ни обитал в этом храме, бог или демон — это еще большой вопрос», — пронеслась в его голове мрачная мысль.

От этих слов у Чэн Миня по затылку пробежал холодок. Глядя на проступающую сквозь ветви багровую крышу храма, он почувствовал слабость в ногах.

— Да ну... Не может быть. Откуда здесь взялся призракам?

Слова прозвучали необедительно даже для него самого. Перед глазами до сих пор стояла сцена, где Лю Хо едва не отправил его на тот свет.

— Раз уж дошли, отступать поздно, — Юй Фансюй размялся и взглянул на Чэн Миня. — Устал? Может, размять тебе ноги?

Чэн Минь лишь отмахнулся и решительно зашагал вверх.

— Идем скорее.

— Уже не боишься? — Юй Фансюй пристроился рядом.

Чэн Минь промолчал. Страх никуда не делся, но бежать было некуда. Уж лучше встретить опасность лицом к лицу, чем дрожать от каждого шороха. В тупике выживает тот, кто борется, а вечные колебания — кратчайший путь в могилу.

Чем ближе они подходили к храму горного бога, тем причудливее становилась обстановка. Последний участок тропы выглядел так, словно саму землю высушили до костей. Почва, лишенная малейшей влаги, пошла глубокими трещинами в палец толщиной. Вся дорога была испещрена ими, будто какой-то великан в ярости колотил по ней кулаками.

Обычно такие «пути паломников» содержат в образцовом порядке, тем более что староста и жители деревни казались людьми набожными. Подобное запустение никак не укладывалось в голове.

Спустя десять минут таинственное строение наконец предстало перед ними во всей красе. Неужели именно здесь скрыт фрагмент плана?

Первое, что бросилось в глаза — это цвет. Ослепительно, болезненно алый.

Храм выглядел именно так, как Чэн Минь и представлял: искусная резьба, расписные балки. Здание сохранилось куда лучше деревенских лачуг — сразу видно, на него не жалели ни денег, ни сил. На табличке над входом золотом сияли иероглифы: «Храм Горного Бога», окруженные резными облаками. Работа была тонкой, почти фанатичной.

Но краска на стенах пугала. Густая, цвета подсохшей крови, она, казалось, даже источала характерный металлический запах. Одно лишь прикосновение к ней виделось святотатством.

— Стойте, — Юй Фансюй резко остановился, придерживая Чэн Миня за плечо. — Ни шагу дальше.

— Что такое? — Чэн Минь настороженно огляделся.

Тишина стояла гробовая. Ни шелеста, ни единого птичьего вскрика.

«В лесу, где нет цикад, еще тише; в горах, где смолкли птицы, еще глуше», — всплыла в голове поэтическая строчка. Но Чэн Миня она не успокоила. Напротив, он вдруг осознал: за все время подъема они не встретили ни одного живого существа. Словно вся живность в округе чуяла нечто такое, к чему человеку приближаться не стоит.

— Эта гора... не та, на которой мы нашли мани-камень, — подал голос Цинь Яо. — Совсем не похожа.

— Именно, — подтвердил Юй Фансюй. — И это лишь одна из странностей. Вы заметили? Та маленькая гора... она исчезла.

— Исчезла?

— Одна из?

Чэн Минь и Цинь Яо переспросили одновременно, зацепившись за разные слова.

— Исчезла, — отчеканил Чжан Цзыман, указывая на северо-запад. — Она должна была быть вон там. С её вершины как раз виднелось наше пристанище.

Теперь же там расстилалась лишь пустая равнина под безжизненным небом.

— Я тоже вспомнил! — Чэн Минь поднял руку. — Когда я нашел камень, там была какая-то птица, вроде совы. Тот лес был живым, настоящим. А здесь... здесь всё мертво.

— А какая вторая странность? — спросил Цинь Яо.

— Сяо Минь, помнишь, я говорил тебе, что крестьяне хоть и почитают храм, но смертельно его боятся? — Юй Фансюй не сводил глаз с алых ворот.

Чэн Минь медленно кивнул. Он тоже смотрел в центр храмовых дверей, и с каждым мгновением ему становилось всё труднее дышать, словно на грудь положили могильную плиту.

— Да. И еще ты говорил... Лу Чжао упоминал, что двери храма всегда наглухо закрыты...

Но сейчас ярко-красные створки были распахнуты настежь.

— Кто это сделал? — голос Цинь Яо дрогнул. — Неужели староста?

— Может, это Сяо Цзян... — Чэн Минь попытался выдавить подобие улыбки, ободряя друзей. — Вдруг он просто прячется внутри?

Но он сам в это не верил. Какой нормальный человек решится провести ночь в таком жутком месте? Если только он... не может оттуда выйти.

— Я проверю, — бросил Чжан Цзыман.

Он двинулся вперед — бесшумная тень, едва касающаяся земли. Его движения были точными и скупыми, как у мастера тайных дел из старых легенд.

Юй Фансюй заметил, как напрягся Цинь Яо, и вкрадчиво шепнул:

— Там может быть опасно...

Чэн Минь подыграл:

— Я тоже волнуюсь. Чжану было бы спокойнее, если бы кто-то его подстраховал.

Цинь Яо смерил этих двоих презрительным взглядом, но всё же, помедлив секунду, бросился вслед за уходящим вперед мужчиной.

Чжан Цзыман обернулся. Увидев парня, он молча преградил ему путь рукой, приложил палец к губам и жестом приказал следовать за ним. Вблизи храм выглядел еще страшнее. На створках дверей были вырезаны лики чудовищ — корявые, зловещие, с глазами на самых макушках. Несмотря на грубую работу, от них исходила почти осязаемая злоба.

Чжан Цзыман нащупал рукоять меча. Переглянувшись с Цинь Яо, он указал жестами: «Я — налево, ты — направо».

Они бесшумно прижались к стенам по обе стороны от проема, стараясь не касаться багровой краски. По сигналу оба навалились на створки. Двери, словно налитые свинцом, поддались не сразу. С утробным, рвущим нервы скрежетом петли наконец повернулись. Звук эхом разнесся по лесу, напоминая начало фильма ужасов.

Издали Чэн Минь отчетливо слышал этот скрип. Он лишь порадовался, что сейчас день — в сумерках он бы точно не выдержал подобного зрелища.

Внутреннее пространство храма разделяла на две части центральная стена. С порога была видна лишь передняя зала. В центре стоял алтарь, на котором в полумраке высилась фигура горного бога. Разглядеть детали мешала густая тень, было видно лишь, что у божества копна длинных, спутанных волос.

«Странная прическа. Жесткая, будто из проволоки», — мелькнуло в голове у Цинь Яо. Он заставил себя расслабиться и осмотреть свою сторону залы. Ничего подозрительного.

Обменявшись кивками, они решили, что путь свободен, и подали знак остальным. Но стоило Цинь Яо сделать первый шаг внутрь, как Чжан Цзыман схватил его за плечо. Парень едва не вскрикнул от боли.

Чжан указал на пол. Цинь Яо опустил взгляд и побледнел. Он судорожно замахал руками, приказывая Чэн Миню и Юй Фансюю оставаться на месте.

— Что там такое? — прошептал Чэн Минь, застыв на месте.

Цинь Яо и Чжан Цзыман, стараясь не шуметь, двинулись по следу. На толстом слое пыли, покрывавшем пол храма, виднелись хаотичные, смазанные отпечатки ног. Внутри не было ни ламп, ни свечей, лишь вековой тлен и запустение. Если бы не эта пыль, они бы никогда не узнали, что здесь кто-то был.

Огибая алтарь, Цинь Яо невольно поднял взгляд на идола. От статуи веяло такой потусторонней жутью, что у него перехватило дыхание. Он поспешно отвернулся, мысленно повторяя себе, что всё это — лишь суеверия.

За перегородкой открылось небольшое помещение, в конце которого виднелась старая дверь с сорванным засовом. Ржавое железо валялось на полу — его словно вырвали с корнем. Здесь было почти темно, лишь слабые блики света пробивались из основной залы.

Цинь Яо осторожно приблизился к двери. Стараясь не шуметь, он толкнул её. Тонкий луч солнца прорезал мрак, ложась на пол золотистой лентой. Это немного успокоило друзей.

Парень вошел внутрь. Свет падал из небольшого окна под самым потолком, заливая комнату. Это было подобие склада — кругом навалены старые вещи, никак не связанные с обрядами. Пытаясь разобраться в этом хаосе, Цинь Яо медленно переводил взгляд с одного предмета на другой.

Чжан Цзыман уже хотел войти следом, но внезапно замер. Лицо Цинь Яо окаменело. Он застыл, уставившись куда-то за дверь, лоб его покрылся крупными каплями пота, а руки мелко задрожали.

Чжан в два прыжка оказался рядом, заслоняя его собой. Он сразу понял, кого именно изображали чудовища на главных воротах.

За дверным полотном скалилась багровая рожа. Из её семи отверстий медленно сочилась густая кровь, наполняя комнату едким, удушливым запахом. На лбу существа пульсировал единственный изумрудный глаз, не мигая глядя на незваных гостей. Рот, растянутый до самых

ушей, обнажал ряд острых, как иглы, зубов.

А на ушах этой твари висели разбитые очки. Те самые очки, что носил Сяо Цзян.

— Хе-хе-хе... — Тварь затряслась в беззвучном смехе. Звук был дребезжащим, наждачным, словно у существа было перерезано горло.

Чжан Цзыман, ощутив, как каждая мышца превращается в стальную пружину, подхватил оцепенелого Цинь Яо на плечо и что было мочи закричал тем, кто остался снаружи:

— БЕГИТЕ!

<http://bllate.org/book/17517/1657887>